

DOI: 10.31425/0042-8795-2024-4-

М. В. Ст р о г а н о в. Тверской край после Пушкина: Очерки пушкиноведческого краеведения. Тверь: СФК-Офис, 2023. 368 с.

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЧЕРКАСОВ

доктор филологических наук

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

(308015, Российская Федерация,
г. Белгород, ул. Победы, д. 85;
email: cherkasov.valeri@mail.ru)

Аннотация. В рецензии представлена книга очерков М. Струганова, посвященная тверской пушкиниане. Исследователь

подвергает деконструкции мифологические представления о пребывании Пушкина на Тверской земле. В книге опубликованы ценные мемуары представителей рода Вульф, славного своими дружескими связями с поэтом.

Ключевые слова: А. Пушкин, Г. Ходаков, А. Понафилина, О. Вульф, А. Болт, В. Бубнова, тверское пушкиноведение, предания о А. Пушкине.

Рецензия поступила: 12.04.2024.

© 2024, В. А. Черкасов

М. Строганов представил в рассматриваемой книге итог своей деятельности в области пушкиноведческого краеведения с 1999 по 2021 годы. Составляющие ее очерки впервые появились в основном в тверских изданиях, и поэтому могут быть до сих пор не известны широкому читателю. Для профессионалов же своего дела эти очерки заиграют новыми красками благодаря оригинальной концепции книги, как бы увиденной автором в магическом кристалле собственных автобиографических переживаний и представлений.

В первой части книги Строганов характеризует деятельность знаковых для развития тверского пушкиноведения краеведов: В. Миролюбова (1872–1920), С. Фессалоницкого (1899–1976), Н. Журавлева (1901–1957), Г. Ходакова (1901–1978) и В. Кашковой (1933–2011). Первые трое из указанных краеведов, чья активная пушкиноведческая деятельность происходила до октябрьской революции 1917 года (Миролюбов) либо до Великой Отечественной войны (Фессалоницкий, Журавлев), вызвали научный интерес у автора книги ради их письменных свидетельств, имеющих характер первоисточника: о современниках А. Пушкина и о воспоминаниях этих современников о пребывании Пушкина на Тверской земле; о праздновании юбилея поэта в Михайловском в 1936 году.

Строганов публикует в своей книге эти письменные свидетельства в аутентичном виде, что само по себе ценно для исследователя-пушкиниста, однако, в соответствии с поставленной перед собой целью, он приводит также сведения о биографии довоенных краеведов, почерпнутые из редких печатных и архивных источников. Благодаря этому приему Строганов создает стереоскопическую картину характеров своих героев, которые, во многом вопреки обстоятельствам, нашли в себе достаточно духовной силы и мужества для плодотворных занятий культурной работой.

Согласно Строганову, период безвременья в пушкинском краеведении на Тверской земле наступил в связи с началом Великой Отечественной войны и продолжался до середины 1960-х годов. В это время работы дореволюционных и довоенных пушкиноведов, посвященных теме «Пушкин и Тверской край», были почти забыты. В научных и образовательных учреждениях Калининской области эта тема не исследовалась. Места пребывания Пушкина на Тверской земле оказались в полном забвении. И здесь на первый план в книге Строганова выходит ее центральный герой — Ходаков. Доброжелательный, но

суховатый тон ученого-архивиста, который характерен для очерков о довоенных краеведах, сменяется на весьма эмоциональный и в оценочном плане противоречивый тон почти современника эпохальных в истории тверского пушкиноведения событий второй половины 1960-х годов, во всяком случае, — знавшего многих участников этих событий лично. Строганов использует теперь в качестве источников для характеристики деятельности своего героя не письменные тексты, а устные предания современников, которые зафиксировали отдельные наиболее яркие высказывания Ходакова, имеющие концептуальный характер, а также его энергичные и волевые жесты, сопровождавшие эти высказывания.

Строганов вживается в образ своего героя через восторженное и удивленное восприятие современников личности Ходакова, харизматичной, пассионарной, как бы созданной для конструирования и воплощения в жизнь увлекающих широкие массы концептов. С другой стороны, как добросовестный историк литературы, автор книги не может не отнестись критически к мифологизирующим по своей природе концептам Ходакова. Он приводит неопровержимые факты, развенчивающие утверждения своего героя. Он полемизирует с давно умершим краеведом как с живым участником историко-краеведческого движения на Тверской земле. Затем, отдав должное популяризаторским заслугам Кашковой, Строганов продолжает деконструкцию многочисленных мифов и преданий, связанных с пребыванием Пушкина на Тверской земле, в том числе и концепт Ходакова о «Пушкинском кольце» как релевантной форме итинерария поэта.

Во второй части книги содержатся ценные для исследователя и музейного работника историко-литературные документы, касающиеся пребывания Пушкина на Тверской земле: предания А. Понафидиной (1855–1935), О. Вульф (1851– после 1929), А. Болт (1855–после 1927) и В. Бубновой (1886–1983). Все эти мемуаристики относятся к роду Вульфов. Предания Вульф и Болт опубликованы по архивным источникам, а очерк Бубновой «Село Берново» — по авторизованной рукописи. Публикация этих документов предваряется пространной преамбулой автора книги, в которой значительное место уделено выяснению особенностей предания как жанра мемуарной литературы, а также вопросу их генезиса.

Заслуживающим внимания исследователей и музейных работников является также предлагаемая автором атрибуция

тверских стихотворений, приписываемых Пушкину: «Хоть малиной не корми...»; «О, Эгельстром! я восхищенный...»; «Прости навек, как страшно это слово»; «Минуты сладостных свиданий...»; «Теперь одно мое желанье...». Только первое из названных стихотворений Строганов с уверенностью атрибутирует Пушкину. Он приводит целый ряд убедительных аргументов, чтобы не только отвести всякое подозрение в авторстве Пушкина относительно оставшихся четырех стихотворений, но и указать на их настоящих творцов.

Во второй части книги особенно ярко проявляется полемическая направленность историко-краеведческого дискурса Строганова. Вооружась цифрами и фактами, с позиции академического исследователя, автор развенчивает бытующие в современном общественном сознании мифологические представления о пребывании Пушкина на Тверской земле. И, кажется, исследователь торжествует в своей безусловной правоте, приводимые им факты неопровержимы, расчеты безукоризненны. Его выводы безусловно ценны для пушкиноведов.

Но Строганов заканчивает свой труд отнюдь не в мажорных тонах, а, мы бы сказали, трагикомических. Оказывается, именно концепт «Пушкинского кольца», несмотря на всю свою мифологичность, определяет итинерарий современного экскурсанта по пушкинским местам! И автор книги вынужден применяться к этому обстоятельству. В процессе чтения этой книги мы часто сомневались в целесообразности усилий Строганова, ополчившегося против соперников, явно уступающих ему в научной квалификации. Концовка же книги развернула положение вещей в прямо противоположную сторону: в реальности побеждают именно его соперники: функционирует и даже имеет свойство распространяться концепция «Пушкинского кольца»; числится в качестве действующих пушкинских музеев в Зубцове. А знающий истину пушкинист-исследователь может только отнестись критически и иронически к образовавшемуся «по воле рока» положению вещей и применяться к нему, ибо иначе не достичь дорогих его сердцу пушкинских мест.